

МАКСИМ ГРЕК

Авторы: Н. В. Сеницына, Н. Н. Запольская

МАКСИМ ГРЕК (Михаил Триволис) [ок. 1470, Арта (Эпир) – 1555/56, Троице-Сергиев мон.], писатель, богослов, переводчик, филолог; святой.

Максим Грек. Рисунок из рукописного собрания его сочинений. Кон. 16 в. Российская национальная библиотека (С.-Петербург).

Из образованной греч. семьи, получил домашнее образование; владел каллиграфич. иск-вом. В 1492 вместе с Ласкарисом (см. [Ласкарь Иоанн](#)), совершавшим по поручению Лоренцо [Медичи](#) поездку по Греции в поисках древних рукописей, отправился в Италию. Во Флоренции М. Г. обучался у Ласкариса и, вероятно, участвовал в его издательской деятельности в 1493–94. Был связан с греч. диаспорой, игравшей большую роль в культурной жизни Италии того времени; переписывал сочинения античных и христианских авторов ([Феокрита](#), [Страбона](#), [Феодорита Кирского](#) и др.). М. Г. сочетал обучение в Венеции, Падуе, Верчелли, Болонье, Ферраре и др. городах со службой у представителей движения гуманизма и влиятельных особ. В 1498–1502 состоял на службе у Джованни Франческо Пико делла Мирандолы, племянника Джованни [Пико делла Мирандолы](#). В доме Джованни Франческо, возможно, познакомился с достижениями культуры [Возрождения](#). М. Г. с сочувствием относился к деятельности Дж. [Савонаролы](#), слушал его проповеди. Возможно, в 1502–03 М. Г. пребывал в мон. Св. Марка во Флоренции в качестве новиция (послушника). Ок. 1503–1504 в Венеции сотрудничал с издателем [Мануцием Альдом Старшим](#). Друзьями М. Г. были ближайшие сотрудники Альда по формируемой в те годы Новой Академии (Сципион Картеромах, Иоанн Григоропулос, Марк

Мусурос). Ок. 1506 М. Г. удалился на [Афон](#), принял постриг в мон. Ватопед, где имелись богатые книжные собрания. Монашеское послушание сочетал с учёными трудами и литургич. творчеством (составил «Канон св. Иоанну Крестителю»). Известны его поэтич. опыты на греч. яз.

В 1516 в ответ на отправленную на Афон просьбу вел. кн. московского [Василия III Ивановича](#) прислать переводчика М. Г. был направлен в Москву, куда прибыл в марте 1518. Вся его дальнейшая деятельность была связана с Россией. За первые 7 лет жизни в России он перевёл с греч. яз. крупные труды по экзегетике и гомилетике: Толковый Апостол (1518–21), Толковую Псалтирь (1521–22), Беседы свт. Иоанна Златоуста на Евангелия от Матфея и Иоанна (между 1523 и нач. 1525), которые стали пользоваться большой популярностью и активно переписывались, а также статьи из энциклопедич. лексикографич. сб-ка [Суда](#), ряд посланий патриарха Константинопольского Фотия и др.; с лат. яз. перевёл сочинение Энея Сильвия Пикколомини (см. [Пий II](#)) «О взятии Константинополя турками». М. Г. предпринял исправление более ранних переводов Псалтири и др. церковных книг; в 1524–1525 по греч. оригиналу исправил Цветную Триодь. В этот же период М. Г. написал многочисл. сочинения: о святогорских монастырях, пространные полемич. трактаты против латинян. В ходе опровержения утверждений адептов астрологии разрабатывал учение о свободе воли («самовластии человеческом»). М. Г. проявлял интерес к рус. истории, в частности к началу государственности и Крещению Руси. Согласно поздним источникам, был единомышленником Вассиана (Патрикеева) в его протесте против развода Василия III с женой Соломонией Сабуровой.

Не позднее 15.2.1525 М. Г. арестован. Допрашивался и как свидетель, и как обвиняемый в ходе следствия по делу И. Н. [Берсеня-Беклемишева](#). В мае 1525 церковным судом обвинён в ереси (ошибках, якобы допущенных, по мнению книжников-традиционалистов, в ходе перевода и правки богослужебных книг), лишён причащения, сослан в Иосифо-Волоколамский мон.; ему было запрещено писать, общаться с внешним миром, был ограничен круг его чтения. В 1531, вероятно, в результате ходатайства о М. Г. прота (настоятеля) Св. Горы Афон его дело было рассмотрено на суде вторично. Суд, ссылаясь на отсутствие покаяния М. Г., не снял с него церковного прещения и наказания (позже М. Г. писал, что трижды просил

прощения у судившего его Священного собора). Однако его положение было несколько облегчено: ему разрешили писать, он был переведён (хотя, вероятно, не сразу) в Тверской Отроч монастырь, где ему покровительствовал епископ Тверской Акакий.

Патриархи Иерусалимский Иоаким (в 1545) и Константинопольский Дионисий (в 1546) направили послания вел. кн. московскому [Ивану IV Васильевичу](#) с просьбой об освобождении М. Г. Митр. Московский [Макарий](#) снял с М. Г. церковное прещение, а Иван IV перевёл его из Твери, вероятно, в Москву (1547–48). Ок. 1551 по ходатайству игумена Троице-Сергиева мон. [Артемия](#) М. Г. был переведён в этот монастырь, где пребывал до конца жизни.

Максим Грек. Икона сер. 18 в.
Поморье. Русский музей (С.-
Петербург).

В 1530-х – нач. 1550-х гг. М. Г. сам составил 2 собрания своих избранных сочинений, которые представлены рукописями с его собственноручной правкой (редкость в ср.-век. книжности). Задуманные первоначально как оправдания по выдвинутым против него обвинениям, собрания переросли в изложение позиций автора по важнейшим вопросам гос., церковной и культурной жизни России того времени. Среди сочинений выделяются «Исповедание православной веры...», 2 «Слова» об исправлении русских книг, в которых представлены развёрнутые обоснования практики перевода и

правомерности произведённой М. Г. правки богослужебных текстов. В «Исповедании...» в обращении к церковным и светским властям М. Г. вопрошал, не вызвано ли его обвинение в ереси его обличениями стяжательской практики, взимания процентов («мзды»), жадности и т. д. В соч. «Слово, излагающее с жалостью нестроения и бесчиния царей и властителей последнего века сего», в котором исследователи обнаруживают влияние Данте, М. Г. аллегорически описывает

состояние царства, поруганного правителями и властителями. Вменявшаяся в вину М. Г. критика рус. чудотворцев – основателей монастырей – обусловила появление его гл. «нестяжательских» сочинений (см. [Нестяжатели](#)).

Социальная позиция М. Г. состояла не в отрицании церковной собственности как таковой, а в обличении стяжательской практики собственников, ростовщичества, бесчеловечного отношения к крестьянам. Важное место в системе политич. воззрений М. Г. занимает утверждение права духовных и светских лиц на советы царю. М. Г. принадлежат послания-наставления Василию III и Ивану IV, а также политич. сочинения более широкого характера («Главы поучительны начальствующим правоверно»). М. Г. рекомендовал Ивану IV обеспечить координацию политич. сил, привлекая к этому не только боярство и духовенство, но и воинство и служилых людей. В вопросе об автокефалии Рус. церкви М. Г. исходил не из её отрицания, а из убеждения, что она может быть установлена по решению («грамоте») Константинопольского патриархата.

Сочинения М. Г. сообщали рус. читателю о [Великих географических открытиях](#) (об о. Куба, о Молуккских о-вах), знакомили с приёмами филологич. критики текста, выработанными в визант. и ренессансной культурах, рассказывали о Мануции Альде, печатной книге и т. д.

Молитвенное почитание М. Г. существовало с сер. 17 в., также и среди старообрядцев. Канонизирован РПЦ в 1988; дни памяти – 21 янв. (3 февр.) и 21 июня (4 июля), а также в соборах Афонских, Московских, Радонежских и Тверских святых.

Филологические взгляды М. Г

Отношение М. Г. к [церковнославянскому языку](#) определялось зап.-европ. гуманистич. филологич. традицией, согласно которой формальная правильность языка связывалась с его филологич. «обработанностью», а его функциональный статус – с позицией в культурно-языковой иерархии. Поскольку церковнославянский яз. возник в результате перевода греч. богослужебных текстов, функционально доминирующий и формально обработанный греч. яз. рассматривался как образец правильности. Ошибки в церковнославянских текстах М. Г. объяснял тем, что первые переводчики и

последующие переписчики недостаточно владели греч. языком и не были обучены грамматике, риторике и поэтике. Соответственно правильность церковнославянского яз. могла быть достигнута посредством формально-семантичес. соотнесения греч. и церковнославянского языков. Эта установка наиболее последовательно реализовалась в процессе перевода Толковой Псалтири и правки Цветной Триоди. Стремление М. Г. к грамматически однозначной передаче греч. текста и то, что при этом он не учитывал случаи несовпадения формально-семантичес. параметров греч. и церковнославянского языков, приводили к ряду замен, нарушавших традиц. толкование слав. текста и, как следствие, к упрёкам в адрес М. Г. в еретической порче книг. Стремясь опровергнуть возведённые на него обвинения, М. Г. вступал в полемику со слав. книжниками: развёрнутые обоснования практики перевода и книжной sprawy представлены в созданных им после суда 1525 соч. «Исповедание православныя веры...», «Слово отвещательно о исправлении книг русских», «Слово отвещательно о книжном исправлении...». Принципы и конкретные параметры книжной sprawy М. Г., а также характер языковой полемики нашли продолжение в никоновской справе и в споре никониан и старообрядцев.

В рамках филологич. работы над церковнославянским яз. М. Г. стремился приспособить к слав. материалу лексикографич. и риторико-поэтич. сочинения. Филологич. толкование заимствованных слов представлено в его словаре «Толкование именам по алфавиту», который целиком или фрагментарно был использован составителями всех слав. [азбуковников](#). В соч. «О пришельцах философех» М. Г. продемонстрировал риторико-поэтич. приём переработки одного вида стиха в другой, состоящий в изменении стихотворного метра путём изменения порядка слов. С именем М. Г. современники связывали и грамматич. статьи, в которых грамматика рассматривалась как учение о 8 частях «слова», при этом использованные в данных работах термины отличались от названий частей речи в анонимном рукописном трактате «О осми частех слова». Пониманием правильности церковнославянского яз. как ориентации на грамматику объясняется и тот факт, что авторство грамматики, изданной в Москве в 1648 без указания имени [Мелетия](#) (Смотрицкого), могли приписывать М. Г., чьи сочинения активно цитировались моск. книжниками в новом предисловии, составленном к этому изданию.

Литература

Источн.: Судные списки Максима Грека и Исаака Собаки / Под ред. С. О. Шмидта. М., 1971; Сеницына Н. В. Сказания о преподобном Максиме Греке. М., 2006.

Соч.: Сочинения. Казань, 1859–1862. Ч. 1–3; Сочинения. Св.-Троицкая Сергиева лавра, 1910–1911. Ч. 1–3; Духовно-нравственные слова. Сергиев Посад, 2006; Сочинения. М., 2008–. Т. 1–.

Лит.: Белокуров С. А. О библиотеке московских государей. М., 1898; Иконников В. С. Максим Грек и его время. К., 1915; Ржиг В. Ф. Опыты по истории русской публицистики XVI в. Максим Грек как публицист // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1934. Т. 1; Denissoff E. Maxime le Grec et l'Occident. P.; Louvain, 1943; Иванов А. И. Литературное наследие Максима Грека. Характеристика, атрибуция, библиография. Л., 1969; Ковтун Л. С., Сеницына Н. В., Фонкич Б. Л. Максим Грек и славянская Псалтырь // Восточнославянские языки. М., 1973; Ковтун Л. С. Лексикография в Московской Руси XVI – начала XVII в. Л., 1975; Сеницына Н. В. Максим Грек в России. М., 1977; она же. Максим Грек. М., 2008; она же. Нестяжательское учение преподобного Максима Грека // Русская патрология. Сергиев Посад, 2009; Буланин Д. М. Переводы и послания Максима Грека. Л., 1984; Wilson N. From Byzantium to Italy: Greek studies in the Italian Renaissance. L., 1992; Ромодановская В. А. «Седе одесную Отца» или «сидел еси»? // Проблемы истории, русской книжности, культуры и общественного сознания. Новосиб., 2000.

Источн.: Ягич В. Рассуждения южно-славянской и русской старины о церковнославянском языке. СПб., 1896.

Лит.: Keipert H. Nil Kurljatev und die russische Sprachgeschichte // Litterae slavicae medii aevi. Münch., 1985; Живов В. М. Гуманистическая традиция в развитии грамматического подхода к славянским литературным языкам в XV–XVII вв. // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. М., 1993; Живов В. М., Успенский Б. А. Grammatica sub specie theologiae: Претеритные формы глагола быти в русском языковом сознании XVI–XVIII вв. // Успенский Б. А. Избранные труды. М., 1997. Т. 3; Успенский Б. А. История русского

литературного языка (XI–XVII вв.). 3-е изд. М., 2002.